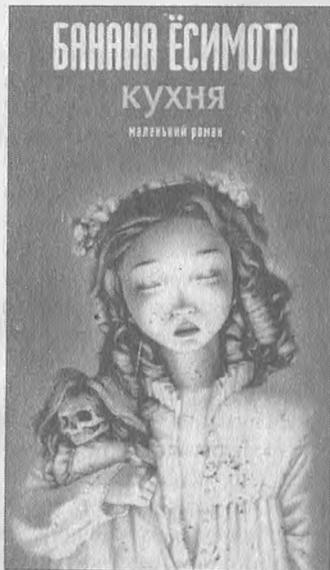

Конец эпохи Мураками

В издательстве "Амфора" выходит роман Бананы Ёсимото

Наталья Бабинцева

Наивно. Супер. Эрленд Лу тут ни при чем. Это самый короткий в истории мировой литературы манифест новой молодежной прозы. Забросив в пыльный угол родительской квартиры напыщенный романтизм и натужный интеллектуальный пафос, они поминают Ролана Барта между двумя кружками свежего пива, в ряду именовании крупных торговых лэйблов. Это не снобизм. Это суперснобизм. Они не интеллектуалы. Они постинтеллектуалы. Повседневный мир с его маленькими гастрономическими, MTV-шными и от-кутюрными радостями куда важнее вековой культурной пыли, которую они сносят одним выдохом своих молодых

промарихуаненных легких. «Мир сделан из йогурта», – бубнит Альдо Нове. «Мир – это коллекция торговых брэндов», – твердит Крахт. «Мир – это красивые девушки из телерекламы», – утверждает Лу. «Мир – это набор кулинарных изысков», – говорит Банана Ёсимото. Им непонятно давнишнее состязание вербального и визуального, матового и глянцевого. Они пишут про ящик, про глянец, для ящика, для глянца. Визуально, снимаемо, употребимо.

Девяностые годы в японской литературе называют «эпохой Ёсимото и Мураками». В то время как тиражи высокой литературы падают, книги Бананы Ёсимото и Харуки Мураками распродаются с невероятной быстротой. Мураками – это экспортный вариант японской прозы. С национальными японскими монстрами в голове. С многочисленными кивками в сторону западной контркультуры шестидесятых–семидесятых. С обязательной рефлексией и непонятной ностальгией. Его успех в России сродни неиссякаемому интересу к прозе латиносов. Это наши недожитые шестидесятые, растянувшиеся на тридцать последующих лет, с их невыразимой тоской, клубящимся дымом, экзистенциальными поисками и песенками Б.Г. Култб Мураками вращен местным провинциальным сознанием. Мы – на обочине культурного мира. К нам приезжают стареющие Томы Джонсоны,

По повести Бананы Ёсимото легко нарисовать комикс-мангу.

Эрики Клэптоны и остатки группы «Yes», и мы бросаем в воздух чепчики. Мы читаем Мураками, слушаем джаз и Майкла Наймана, мечтаем поехать в Индию за благовониями и в Японию за новым сверхзнанием. Страдаем раздвоением личнос-

ти и манией политического следования.

«Больше всего на свете я люблю кухни», – пишет Банана Ёсимото. Банана – это, разумеется, псевдоним, легкий стеб над читателями Басё, который переводится как «банановое дерево».

Кухня – это не место, где ведутся тяжелые разговоры. «Кухня – это место, где готовят пищу. Какой бы она ни была, мне все едино. Хорошо, когда под рукой всегда есть несколько сухих, чистых салфеток, а свет отражается на белом кафеле». Хорошо,

когда в доме есть большая удобная софа, коллекция электроприборов, а в холодильнике много продуктов. В каком-то смысле повести Бананы Ёсимото – это обыкновенный гляцевый женский роман со всем традиционным набором страданий, любви и смертей. Но только в любви здесь признаются посредством гастрономии. «Готовя по рецепту морковный ампон, я чувствовала, как моя душа проникает в него». Кого люблю – накормлю. А не люблю – отравлю. Это уже не любовный роман, а какой-то Владимир Сорокин. Японская барышня не чурается напыщенной романтической лексики. «Я узнала, как прекрасно, когда кажется, что сил больше нет, а в твоё сердце вливается прекрасный лунный свет». Но, напустив голубой романтической пыли, она тут же сметает ее своей концептуальной гастрономической дурью. Она пишет про традиционные семейные ценности и про то, как здорово вместе смотреть по вечерам телевизор. Но только мама у нее оказывается папой. А возлюбленный попадает в автокатастрофу и является в виде голубого утреннего приведения. По ее повестям легко нарисовать комикс-мангу, снять фильм или мультфильм. Можно употребить как поваренную книгу. А можно и порыдать в подушку. Наивно и супер. А для России с ее картошечкой-селёдочкой и водочкой-огурчиком – так просто супер. ■